

ЖАЖДА РАЗНООБРАЗИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ ЖАЖДЫ

(Андрей Коровин, «Кымбер бымбер». Стихи и истории. – М., ArsivBooks, 2018)

Все поэты – люди разного душевного склада. Кому-то строчки достаются мучительно тяжело, со скрипом. А кому-то легко, воздушно, непрекращающимся потоком сознания. Это – просто индивидуальная особенность, которая ничего нам не сообщает о качестве стихотворений. Поэт Андрей Коровин, пишущий много, попросил двух своих друзей, не отличающихся сверхпроизводительностью (имена первого ряда), отобрать для готовящейся книги «Кымбер бымбер» самые лучшие стихи, написанные за последний год. И, таким образом, невольно «переложил» ответственность за книгу на своих друзей. Казалось бы, это беспрониторный вариант. Но на проверку редакторский отбор, произведённый друзьями, оказался, на мой взгляд, достаточно либеральным. Может быть, Коровину имеет смысл издавать небольшие, но цельные и концептуально выверенные книжки? Такие, как «Пролитое солнце». Вот только поэту всегда хочется большего. Стихи – это как дети. Не каждый ребёнок получается у родителей удачным. Но разве это повод от него отказываться? То же самое – со стихами. Если ты их написал – разве выбросишь? Если написал за год 200 стихотворений, больно три четверти из них не включить в книгу. Может быть, нам просто нужно научиться «правильно» читать книги Коровина? Как читать неправильно, показала недавно критик «Знамени» Светлана Киришбаум. У Андрея в новой книге – много замечательных, проникновенных, незаурядных строк:

*грам и молния позднего мая
на прощанье победный салют
эта музыка глухонемая
здесь её разливают и пьют*

В своё время Макс Волошин очень любопытно говорил Марине Цветаевой о её стихах: «Марина! Ты сама себе вредишь избытком. В тебе материал десяти поэтов и сплошь – замечательных!.. А ты не хочешь (вкрадчиво) все свои стихи о России, например, напечатать от лица какого-нибудь его, ну хоть Петухова? Ты увидишь (разгораясь), как их через десять дней вся Москва и весь Петербург будут знать наизусть». Когда я читаю или слушаю Андрея Коровина, у меня возникает впечатление, аналогичное тому, которое вызывали у Волошина стихи Цветаевой. Множество талантливых «Петуховых». И, когда «Петуховы» Коровина встречаются на пространстве одного издания, читать такую книгу бывает непросто. Подспудно возникает желание, чтобы всё это лингвистически-стилистическое богатство было хотя бы расфасовано «по полочкам». Всех «Петуховых» Андрея Коровина я бы условно разделил на два подвида: стихи сугубо лирические и стихи «обэриутские». И ещё – по сложности. Такое ощущение, что нынешний Коровин – это ранний и поздний Кузмин в одном флаконе. И прекрасная ясность «Александрийских песен», и цветущая сложность последней книги «Фореяль разбивает лёд». Причём и простой Коровин, и сложный одинаково нам важны! Есть у поэта стихи такой мощи и цельности, что невозможно пройти мимо:

*а когда напролом растения пробивают земную твердь
ты попробуй остаться маленьким ты попробуй не умереть
ты попробуй пройти навьлет жизнь и выйти на белый свет
и тогда ты легко увидишь смерти нет понимаешь нет*

.....
*оставайся живым и маленьким у России под каблуком
а от смерти всегда есть валенки чай с берёзовым малоком
и летящие и гудящие пассажирские поезда
даже кровь и та настоящая
и под сердцем в груди
звезда*

«Кымбер бымбер» словно бы топорщится, разрастается иголками во все стороны, это такая книга-ёжик. Когда пишешь много экспериментальных стихов, ты всегда – в зоне риска. «Пограничная» стилистика может привести как к удачам, так и к неудачам. Скажу больше: есть принципиальная разница между лирическим и экспериментальным стихотворением. Они по-разному звучат и воспринимаются на слух.

Бахыт Кенжеев, который тоже много экспериментирует со стихами, во избежание путаницы отделил в себе лирика от экспериментатора. Так возник поэт Ремонт Приборов. Когда в тебе «много Петуховых», может быть, действительно есть смысл писать стихи под разными именами. Вот и я вижу смысл своей рецензии в том, чтобы, на радость читателям, разобраться с «Петуховыми» Андрея Коровина. Поэт интересен тем, что имеет большую склонность к абсурдистскому мышлению, во многом следуя традиции обэриутов. В то же время, Коровин в лучших своих стихотворениях – тонкий лирик.

*в зимнем парке снежная нелепица
ходит снег на лыжах как живой
смотрит сверху белая медведица
вертит непослушной головой*

*пообтёрлись звёзды залежалые
ты их за бесцветье не кори
словно два философа пижамные
говорят о Боге фонари*

*верещит берёзовая рожица
стынет в жилах талая вода
у Вивальди музыка закончится
а зима в России никогда*

И вот к какому выводу я пришёл, читая книгу Коровина. Во многом путаница в его стихах происходит по той простой причине, что он и лирику, и неоавангард пишет одинаково: без прописных букв и знаков препинания. Возможно, лирику стоит «оформлять» всё-таки более традиционным способом, с пунктуацией. И тогда читателю ориентироваться в лабиринте поэтических жанров книги будет проще.

Есть Андрей Коровин – поэт трагический. И есть Коровин – поэт юмористический. Я хохотал до упаду, читая опусы Андрея из цикла «Слова и брюквы». Жажда разнообразия – вот что выделяет его в поэтической тусовке. Фигура Коровина – знаковая в современной поэзии. Андрей взвалил на себя бремя культуртрегерства и несёт его давно, увлечённо, с достоинством. Несмотря на то, что на длинной дистанции этот «долг» порой утомляет. Коровин умеет безошибочно чувствовать поэзию в произведениях других авторов. К нему тянется творческая молодёжь. Булгаковский дом, где проводит творческие вечера Андрей, давно стал Меккой поэзии. Во многом это происходит оттого, что поэт бескорыстен в культуртрегерстве. Добрый друг и замечательный человек, Коровин живёт и творит «по Пастернаку»:

*Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.*

Андрей не движется, как многие наши классики, от простого к сложному либо от сложного – к простому. И то, и другое присутствуют в нём изначально. Есть такая индивидуальная особенность у автора, и с ней приходится считаться и самому Андрею, и его читателям. Он пытается раздвинуть пределы поэтического слова, включая сюда и дневниковые записи, и просто приходящие на ум мысли. Прозу поэт не пишет. Поэтому и чисто прозаические мысли он тоже записывает в столбик. Конечно, и Хармс, и Хлебников влияют на поэтику Коровина. На мой взгляд, название «Кымбер бымбер» не исчерпывает содержания всей книги: это только одна из линий в творчестве Андрея. Кымбер бымбер, где ты был? На Фонтанке водку пил. А вот, например, стихи о Цветаевой, это разве «кымбер бымбер»?

Эфрон – Цветаевой

*тебе ли дававшей в бессмертье
не знать как бездна глубока
жизнь бесплезней всякой смерти
на утлой лодочке стиха*

*тебе ли выжженной равнине
любовниками всех мастей
гореть печальницей отныне
в печах распахнутых страстей*

*тебе ли восходившей в горы
остроконечного огня
так важен каждый новый город
в котором больше нет меня*

В новой книге Андрея Коровина собраны стихотворения, написанные им за последний год. А ведь многое из написанного в книгу не вошло! Вот что пишет о книге Коровина Ирина Евса: «Автор в этой книге предстает перед нами неотделимым от своего лирического героя. Актёр, одновременно играющий множество ролей в театре, который сам же и создал; обвинитель и (вместе с тем) защитник в суде, назначенном им самим; циркач, жонглирующий смыслами, именами, словами, топонимами; фокусник, извлекающий из шляпы не привычного голубя, а то, чему никто из следящих за его руками не осмеливается дать название в этом диковинном шапито, где вместо купола – чёрное южное небо, полное звёзд? Чередование масок на этом, исполненном трагизма и веселья, карнавале столь увлекательно, что в какой-то момент забываешь о его создателе, становясь соучастником действия, и хочешь лишь одного: чтобы оно не кончалось».

РЕКУЩАЯ РЕКА ГЕННАДИЯ КАЛАШНИКОВА

(Геннадий Калашников, В центре циклона. – М., Воймега, 2018)

На мой взгляд, это очень важная книга в творчестве известного московского поэта. Книга-веха, книга-разговор. Калашников любезен народу тем, что задаёт нужные вопросы. Поднимает вечные проблемы. Человек и время, поэт и его след в истории. На чьих весах будет взвешено его творчество? «В центре циклона» – ударное название. Именно «в центре», а не «в эпицентре». Поэт всегда в гуще событий. И, может быть, сам является и причиной, и следствием вызванного его притяжением циклона. Название книги – многозначно. Наша жизнь не только циклична, но и «циклонична». Очень важен для поэтики Калашникова гераклитовский образ текущей реки. Речь реки. «И у дна вода не такая, как не у дна». «Ведь запомнит вода у запруды пруда, что не входят в поток её дважды». «А река всё течёт, передёргивая озябшей кожей». «Всё течёт, Гераклит, всё течёт, и течёт, и течёт». «Вода причудлива и каждый миг иная, шершавая, угластая, прямая». Неподвижность движения, одновременность мимолётного и вечного очень характерны для мировоззрения Геннадия Калашникова. И всё это убедительнее всего звучит в рифмованных строчках. Зачем писать верлибры, если так виртуозно владеешь рифмой?

Во все времена творчество развивалось как диалог различных культур. Так, Возрождение целиком базируется на древнегреческих представлениях о красоте. Что касается русской поэзии, то она всегда была внимательна к текстам предшественников, вступая с ними в открытый диалог. Диалог этот мог быть самым разным – от неприятия и насмешки до восхищённого цитирования. Геннадий Калашников широко использует приём неожиданного цитирования, отсылая читателя к нашим классикам. Его центоны носят, я бы сказал, магический характер. Это звучит совсем не так, как, скажем, у Александра Кабанова или Тимура Кибирова. Вот, например, знаменитые строки Мандельштама:

*Я скажу это начерно, шёпотом,
Потому, что ещё не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.*

И Геннадий Калашников, на радость читателям, начинает в своём стихотворении игру своего «безотчётного неба» с текстами Осипа и других русских поэтов. Слышатся Хлебников и Кручёных. Причём, я вполне допускаю, что расслышал далеко не все аллюзии Калашникова. Вначале Геннадий «зацепился» за строчку Мандельштама «потому, что ещё не пора...». И – полилось! И – пошло! И – поехало!